

ЛЮБОВНЫЕ ДРАМЫ ГОРЬКОГО

Елена Майорова

Елена Ивановна Майорова

Любовные драмы Горького

Серия «Любовные драмы»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69172846

Е. И. Майорова. Любовные драмы Горького: ООО «Издательство

«Вече»; Москва; 2022

ISBN 978-5-4484-3790-8

Аннотация

Максим Горький – русский и советский писатель, драматург, первый председатель Союза писателей СССР. Он был знаком со Львом Толстым и Антоном Чеховым. В СССР Алексей Максимович был самым издаваемым писателем, 5 раз номинировался на получение Нобелевской премии. Его произведения издавались миллионными тиражами, были включены в школьную программу, являясь образцом советской прозы. Да и сам писатель, хоть и жил периодически за границей, представлял собой почти эталон настоящего советского человека.

Однако личная жизнь писателя была ярка и страстна, то есть никак не могла быть отражена в его официальной биографии. Он был дважды женат, имел множество романов и мимолетных увлечений.

В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

Содержание

Неясный женский образ	11
Пробы и ошибки	47
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Елена Майорова

Любовные драмы Горького

© Майорова Е. И., 2022

© ООО «Издательство «Вече», 2022

* * *

Максим Горький – Алексей Максимович Пешков – в наше время известен благодаря многочисленным наименованиям, включающим его имя. Правда, улица Горького – ныне Тверская, г. Горький – сейчас Нижний Новгород – вернули прежние исторические названия. Но московский ПКиО, МХАТ, Институт мировой литературы РАН, Литературный институт в Москве и вузы в других городах, киностудия, Дворцы искусств, станции метро, множество площадей, улиц, скверов, библиотек в разных уголках страны, так же как крейсера, локомотивные депо, речные суда и многое другое его имени – остались.

В XX веке он был главным писателем Советской России и пользовался бешеной популярностью за рубежом.

Образ человека простого, но даровитого, талантливого самородка, «сделавшего себя», несмотря на нищету и лишения, был близок ещё вчера неграмотным массам. Они воспринимали Горького как одарённого выходца из народных

глубин, как одного из них. Писатель ассоциировался со своим аллегорическим героем и остался в представлении современников Буревестником революции. Он стал самым близким и понятным писателем, самым популярным автором, его почитали наряду с высшим руководством страны и считали выразителем народных надежд на лучшую жизнь, народным заступником. Сформировалось представление о Горьком как об аскетичном труженике, бесконечно радеющем о народном благе, заступнике за несправедливо обиженных, постоянно пребывающем в заботах о поддержке больных и страждущих.

М. Горький должен был оправдывать свою прижизненную славу и писал для людей малограмотных, не умевших оценить красоты стиля или глубину мысли. Все в его текстах – на потребу социалистической идеологии, всё – для оправдания политики коммунистической партии. За это пришлось платить высокую цену: несмотря на безусловный талант, его произведения не стали «бессмертными», как произведения Пушкина, Лермонтова, Толстого и других русских классиков.

Однако его творчество, связанное с советской эпохой, её проблемами и идеалами, буквально пронизывало жизнь советского человека, сопровождая его с юных лет до глубокой старости.

Сейчас биографию и творческое наследие Максима Горького знают в основном благодаря школьной программе. Это,

в частности, кошмар учащихся – роман «Мать», написанный в стиле социалистического реализма, и пьеса «На дне», в начале прошлого века имевшая оглушительный успех. Актуальные в своё время, в наши дни произведения воспринимаются весьма далёкими от сегодняшних проблем, как пафосное утверждение общепринятых истин.

Ходульный образ Горького как великого пролетарского писателя, канонизированный советской официальной культурой, обязательно включал в себя легенду о теснейшей дружбе, связывавшей писателя с Лениным. Легенда имела мощную визуальную составляющую: многочисленные скульптуры, картины и фотографии изображали сцены оживлённых дружеских бесед пролетарского писателя с вождём мирового пролетариата. Позже эту галерею дополнили снимки Буревестника в тесном общении со Сталиным.

О личной жизни Горького старались говорить как можно меньше, но по умолчанию принято было считать, что его женский идеал – Ниловна из романа «Мать», в крайнем случае – маргиналка Наташа из пьесы «На дне».

На самом деле пролетарский писатель был весьма неравнодушен к женщинам и вообще очень увлечён женской темой. Ещё в 1917 году он считал первым своим долгом «объяснить деревенским бабам [путём лекций, брошюр и т. д.], что такое женское равноправие». Он был захвачен идеей написать «Историю женщины», создать первое гендерное исследование, меньше всего считаясь «с нормами, канонами

и традициями буржуазных специалистов», и только обстоятельства помешали осуществиться этому проекту. Позже Горький много размышлял о женщинах, о новых женщинах. Он всегда говорил о них нежно, но полагал, что в них появилось железное начало и что женщины как-то по-своему опережают мужчин.

В 1934 году он вернулся к идее создания многотомного издания «Истории женщины» от доклассового общества до советской эпохи. Он обосновал это в проблемной статье «О женщине» и привлёк к сотрудничеству профессора А. Г. Пригожина, директора Московского историко-философско-литературного института, и Н. Я. Марра, одного из первых академиков, пошедших на сближение с большевистской властью. Пригожин раскритиковал план, составленный Горьким; тот намеревался внести коррективы, но из-за болезни не успел.

Писателя привлекали вовсе не простые, как правда, бесхитростные и неухоженные подруги. На самом деле его жизнь сердца была богата, разнообразна и включала увлечения женщинами незаурядными. Можно сказать, женщины в большой степени лепили и формировали писателя. Но об этой стороне жизни Буревестника, чтобы не смущать советских трудящихся, говорить было не принято. В официальной биографии, написанной в советское время в условиях идеологических табу, утверждалась неколебимая верность писателя генеральной линии партии и не было ни слова о пред-

метах его пламенных увлечений. Если без упоминания о любимых им женщинах было не обойтись, использовалось нейтральное определение – «друг».

Максим Горький в 1910 г.

Любовные истории Горького – не только возможность очеловечить ходульный образ пролетарского писателя, вернуть ему черты человека непростого, тонко чувствующего, страдающего. Эти истории разворачивались на фоне политических катаклизмов конца XIX – первой половины XX века, как нельзя лучше иллюстрируют период становления русской литературы в совершенно новых условиях общественно-политического развития России.

Неясный женский образ

«Все мы родом из детства», – часто говорят многие с глубокомысленным видом и при этом не знают первоисточника. Но на самом деле эти слова Антуана де Сент-Экзюпери исключительно верны. Экзюпери в том же «Маленьком принце» сказал: «Все взрослые сначала были детьми, только мало кто из них об этом помнит». А. М. Горький помнил об этом очень хорошо. У него не было «семейного архива», какого-нибудь сундучка с бумагами, полного выцветших писем на истончённой желтоватой бумаге, поздравительных новогодних открыток с тройками, нарядными ёлками, румяными снегурочками... Не было и толстого альбома в потёртом кожаном переплёте, с чуть блеклыми, чуть кремоватыми, с замысловато выведенным на уголке вензелем и надписью «карт-визит» – обязательно по-французски, – изображениями полузабытых, но родных людей. Зато он смог создать собственный, по себе скроенный и крепко сшитый семейный архив: трилогию «Детство», «В людях» и «Мои университеты».

Большинство критиков полагает, что в них Горький был не совсем автобиографичен и многое в трилогии, особенно страдания ребёнка, художественно приукрашено. Говорить про это избегали, и только Иван Бунин из своего далёка позволил высказаться о «полной неосведомлённости публики

в его биографии» и упрекнул большевиков, «провозгласивших Горького величайшим гением, издающих его несметные писания миллионами экземпляров», в сокрытии происхождения гения и этапов становления его таланта. А ведь именно под влиянием окружающих ребёнка явлений, понятий, взглядов, вкусов, симпатий и антипатий рано строится в его душе фундамент того, что со временем становится его душевным строем, его «психологической формой», в которой он будет воспринимать все явления внешнего и своего внутреннего мира, тем психологическим основанием, без которого не обходится ни один человек и от которого он уже не сможет отрешиться всю жизнь.

В беспристрастном словаре Брокгауза и Ефрона говорится: «Горький-Пешков Алексей Максимович. Родился в 1868 году, в среде вполне буржуазной: отец – управляющий большой паровой конторы; мать – дочь богатого купца-красильщика...»

Но и в знаменитой трилогии упоминается о былом богатстве деда, а удача – дама непостоянная, сегодня благосклонна к одному, а завтра уже с другим. Вполне возможно, что детские впечатления о разорении и нужде семьи деда не выдуманы, а именно так оформились и запечатлелись в душе ребёнка, и они-то важны и самоценны как обстоятельства, сформировавшие личность писателя.

Воспоминания классика объединяются острым чувством ностальгии и нечастыми вспышками памяти былого счастья

от присутствия рядом главной женщины в жизни его тогдашнего – бабушки, существа исключительно душевного и симпатичного.

Образ бабушки можно считать вполне реальным, потому что первый набросок повести «Детство» назывался «Бабушка Акулина». О ней сохранилось мало документальных известий, поэтому она навсегда остаётся такой, какой увидел и запомнил её внук.

Незаконная дочь сухорукой побирушки, «обиженной» баарином и отпущенной из-за своего калечества на волю, самоучкой освоившая ремесло кружевницы, она на четырнадцатом году была выдана замуж за «справного» Василия Каширина. Выбрала её в жёны сыну свекровь – «калашница и злой души баба», – потому что будет сноха, нищего человека дочь, работница и смирная. В пятнадцать лет Акулина – уже мать; а всего она родила восемнадцать детей, но только трое выжили. Казалось, одно это должно было погрузить её в горькую безысходность, но женщина сумела сохранить и непосредственность, и доброжелательность, и искреннее сочувствие к горестям других.

«Круглая, большеголовая, с огромными глазами и смешным рыхлым носом, она говорила много, весело и складно». «...Когда она улыбалась, её тёмные, как вишни, зрачки расширялись, вспыхивая невыразимо приятным светом, улыбка весело обнажала белые крепкие зубы и, несмотря на множество морщин в тёмной коже щёк, всё лицо казалось молодым

и светлым... Вся она – тёмная, но светилась изнутри – через глаза – неугасимым, весёлым и тёплым светом. Она сутула, почти горбата, очень полная, а двигалась легко и ловко, точно большая кошка, – она и мягкая такая же, как этот ласковый зверь... Волос у неё было странно много, они густо покрывали ей плечи, грудь, колени и лежали на полу, чёрные, отливая синим».

Её утро начиналось с возни с этими богатыми волосами, но никакого любования собой, никакого невинного кокетства: она спешила на беседу с Богом.

«Кое-как распутав их, она быстро заплетает толстые косы, умывается наскоро, сердито фыркая, и... встаёт перед иконами, – вот тогда и начиналось настоящее утреннее омовение, сразу освежавшее всю её.

Выпрямив сутулую спину, вскинув голову, ласково глядя на круглое лицо Казанской Божией Матери, она широко, истоково крестилась и шумно, горячо шептала:

– Богородица преславная, подай милости твоея на грядущий день, матушка!

Кланялась до земли, разгибала спину медленно и снова шептала всё горячее и умиленнее:

– Радости источник, красавица пречистая, яблоня во цвету!..

Она почти каждое утро находила новые слова хвалы, и это всегда заставляло меня вслушиваться в молитву её с напряжённым вниманием.

Ее бог был весь день с нею, она даже животным говорила о нём. Мне было ясно, что этому богу легко и покорно подчиняется всё: люди, собаки, птицы, пчелы и травы; он ко всему на земле был одинаково добр, одинаково близок».

И так почтительно, но по-свойски беседовала она не только с Богоматерью. Для любого обиженного судьбой находились своевременные нужные и выразительные слова, несущие надежду и утешение. Врагов у неё не имелось; она возлюбила их, как повелел Господь, и они стали близкими.

Акулина Ивановна всегда находила возможность помочь несчастным, услужить немощным. Алёша рано понял, что «русские люди по нищете и скудости жизни своей вообще любят забавляться горем, играют им, как дети, и редко стыдятся быть несчастными. В бесконечных буднях и горе – праздник и пожар – забава; на пустом лице и царапина – украшение...». Но его продолжал удивлять интерес окружающих его людей к болезням, к боли, ко всему неприятному, грубому и печальному. Бабушка же не смаковала несчастья ближних, а решительно бросалась искоренять – не причину страданий, а их следствие.

Она – книжная – принадлежала к тому редкому типу людей, которые никогда не жалуются и стоически переносят несчастья, по-видимому, потому что, не имея образцов для сравнения, считают этот мир «лучшим из миров». Но при необходимости привычная мягкость и уступчивость сменялись собранностью и решительностью. Бабушка Акулина ма-

ло думала о себе, что и доказала, бросившись в горящую мастерскую, чтобы уберечь семью от взрыва купороса, вывела из конюшни жеребца – «душу живую» – и сильно обожгла при этом руки.

Рассказы бабушки, долгие с ней разговоры были для мальчика целым огромным многоцветным миром. Благодаря бабушке мальчик открыл для себя Богородицу, полюбил её «по рассказам бабушки, это она сеет на земле для утешения бедных людей все цветы, все радости – всё благое и прекрасное. И когда нужно было приложиться к ручке Её, не заметив, как прикладываются взрослые, я трепетно поцеловал икону в лицо, в губы».

Бабушка Акулина, неграмотная, не получившая никакого образования, никогда не лезла за словом в карман, напротив, была исключительно красноречива; мерно лился сочный, веский рассказ: «Говорит, точно поёт, и чем дальше, тем складней звучат слова. Слушать её невыразимо приятно». Наверно, прижавшись к тёплому бочку бабушки, внимая её затейливому, всегда насыщенному неподдельным чувством повествованию, Алёша и полюбил слова, научился то так, то эдак складывать их в голове, искать смысл в их различных сочетаниях.

Алеша Пешков с бабушкой. Кадр из фильма «Детство». 1938 г.

Хранительница очага, работница, утешительница, рассказчица, бабушка и повеселиться умела на радость всем. К тому времени, как была написана первая часть трилогии Горького, он уже, конечно, читал «Войну и мир» Л. Н. Толстого. Русская пляска Наташи Ростовской не могла не впечатлить начинающего писателя: «Где, как, когда всосала в себя из того русского воздуха, которым она дышала – эта графинечка, воспитанная эмигранткой-француженкой, этот дух, откуда она взяла эти приёмы, которые *pas de shale* давно бы

должны были вытеснить? Но дух и приёмы были те самые, неподражаемые, не изучаемые, русские...» Пляска бабушки – парная к пляске Наташи: «...Она плыла по полу бесшумно, как по воздуху, разводя руками, подняв брови, глядя куда-то вдаль темными глазами. Бабушка не плясала, а словно рассказывала что-то. Вот она идёт тихонько, задумавшись, покачиваясь, поглядывая вокруг из-под руки, всё её большое тело колеблется нерешительно, ноги щупают дорогу осторожно. Остановилась, вдруг испугавшись чего-то, лицо дрогнуло, нахмурилось и тотчас засияло доброй, приветливой улыбкой. Откачнулась в сторону, уступая кому-то дорогу, отводя рукой кого-то; опустив голову, замерла, прислушиваясь, улыбаясь всё веселее, – и вдруг её сорвало с места, закружило вихрем, вся она стала стройней, выше ростом, и уж нельзя было глаз отвести от неё – так буйно красива и мила становилась она в эти минуты чудесного возвращения к юности!»

Несмотря на детскую непосредственность и душевную чистоту, бабушка на всё имела собственный устоявшийся взгляд, хотя людей строго не судила. «Она вроде святой, хоть и вино пьёт, табак нюхает, – говорили про неё. – Блаженная как бы». Алёша чувствовал, что её прекрасная душа намеренно очаровалась, ослепилась сказками, отгородилась ими от горькой действительности, что бабушка неспособна осознать, потому что не хочет видеть «свинцовых мерзостей» окружающей жизни; его волнения чужды ей, она не может

понять его метаний, его тревоги, его поисков какой-то высшей правды.

Но в тяжёлые минуты, которых выпадало на долю строптивого Алёши Пешкова немало, он искал у бабушки тепла и защиты и понимал, что его детские проблемы будут решены благодаря её всё примиряющей доброте.

Когда однажды при Алёше дед Каширин ударил бабушку по лицу, мальчику стало так «угнетающе гадко», что его как будто раздавило. Но дед по-своему был привязан к бабушке, называл её «блаженной душой», хотя и часто поколачивал. В доме Каширина женщина вообще имела не большую ценность: один дядя забил жену насмерть, накрыв одеялом, чтобы заглушить крики, другой тоже избивал женщину, не принимая в расчёт её беременности...

И в этом «тёмном царстве» бабушка, всю жизнь нуждавшаяся, но не ставившая блага бранные во главу жизненных ценностей, с её человеческой мудростью, бескорыстной любовью и состраданием к ближним, невольно стала одним из создателей мировоззрения, которое легло в основу дальнейшей жизни и творчества внука¹.

¹ В реальности же, как установлено современными исследованиями, дедушка был не таким уж злобным, каким он описан уже зрелым Горьким, именно он обучил мальчика в шестилетнем возрасте по церковным книгам грамоте; дядя не проламывали никому головы надгробными крестами и не сводили в могилы собственных жён, а бабушка Акулина – почти единственный светлый образ «Детства», – напротив, была не таким уж ангелом, любила выпить и не всегда знала меру.

Особое – нежно-восхищённое – отношение к женщинам было заложено у Горького не только благодаря всепрощающей сердечности бабушки Акулины Ивановны. Другая родная по крови женщина, мать Варвара Васильевна, несмотря на свою твёрдость и даже некоторую жёсткость, пробудила в мальчике желание защищать и своего рода рыцарственность, оставшиеся с ним навсегда.

Мать запомнилась ему как чистая, строгая, высокая статная женщина с большими глазами, малиновыми губами и золотыми волосами, уложенными короной. Перед Первой мировой войной, когда её сын, уже Максим Горький, писал своё «Детство», он помнил даже наряд матери, сшитый собственноручно: «тёплое и мягкое красное платье, широкое, как мужицкий чапан, его застёгивали большие чёрные пуговицы от плеча – и наискось – до подола. Никогда я не видел такого платья».

Обученная грамоте, красивая и самоуверенная, она вовсе не трепетала перед стариком Кашириным и всегда могла настоять на своём. Так произошло с её первым замужеством.

Первый муж Варвары, отец Алёши Максим Пешков, был сыном солдата, дослужившегося до офицера и сосланного в Сибирь за жестокость с подчинёнными. Там и родился у него сын Максим. Жилось мальчишке несладко, и он убегал из дома. Его искали с собаками; раз, найдя, отец стал избивать столь жестоко, что соседи отняли ребёнка и спрятали от изверга. Мать рано умерла, а когда Максиму было девять лет,

умер и отец. Он убежал из дома приютившего его крёстного, долго скитался, перепробовал много занятий, но выбрал работу с древесиной – стал хорошим краснодеревщиком, обойщиком и драпировщиком. Увидев Варвару, дочь состоятельного Василия Каширина, который мечтал выдать красавицу за барина, за дворянина, влюбился и женился увозом. «Радостный был муж, утешный», – вспоминали знавшие его. Если бы этот красивый русский богатырь не умер, заразившись холерой от сына, за которым ухаживал во время его болезни, жизнь Алёши могла бы сложиться совсем иначе.

Однажды он случайно услышал, как Варвара откровенничала с подругой: «Мой грех перед Богом, но Алексея я не могу любить. Разве не от него заразился холерой Максим... и не он связал меня теперь по рукам и ногам? Не будь его – я бы жила! А с такой колодкой на ноге недалеко упрыгаешь!»

Услышанное придавило мальчика тяжёлым грузом невольной вины, но не уменьшило любовь к матери.

Позднее, в «Изложении фактов и дум...» и в рассказе «Сон Коли» он поведает о том, о чём не упомянул в «Детстве»: как, проснувшись ночью, увидел мать с любовником, которого она впустила в дом. Мальчик даже познакомился с ним, но утром Варвара сказала, что это был только сон и никому не надо об этом рассказывать.

«Мать всегда будила очень много ласковых дум о ней, но выговорить эти думы я не решался никогда». Мальчик «всё чаще думал о матери, ставя её в центр всех сказок и

былей, рассказанных бабушкой». Она была и царевной-королевной, и разбойницей «князь-барыней Марьюшкой Енгальчевой», и Марфой-посадницей, и Марией Египетской. А когда она как-то нарядилась в сберегаемый скрягой-отцом голубой, шитый серебром русский сарафан и кокошник, сын стал думать о ней как о сказочной волшебнице.

Маленькому Алёше уже было дано ощущать тонкие материи. И взрослый, 45-летний Горький, писавший автобиографическую трилогию, вспоминал ощущения себя маленького от красоты природы: «...В окно робко и тихонько, но всё ласковее с каждым днём стала заглядывать пугливая весна с лучистым глазом мартовского солнца, на крыше и на чердаке запели, заорали кошки, весенний шорох проникал сквозь стены – ломались хрустальные сосульки, съезжал с конька крыши подтаявший снег, а звон колоколов стал гуще, чем зимою». «...Зайдёт солнце, прольются на небесах огненные реки и – сгорят, ниспадет на бархатную зелень сада золоти-сто-красный пепел, потом всё вокруг ощутимо темнеет, ширится, пухнет, облитое тёплым сумраком, опускаются сытые солнцем листья, гнутся травы к земле, всё становится мягче, пышнее, тихонько дышит разными запахами, ласковыми, как музыка... Ночь идёт, и с нею льётся в грудь нечто сильное, освежающее, как добрая ласка матери, тишина мягко гладит сердце тёплой мохнатой рукою, и стирается в памяти всё, что нужно забыть – вся мелкая, едкая пыль дня».

Мать пыталась заниматься образованием Алёши, но мыс-

ли её витали далеко; она легко раздражалась и часто бывала несправедлива к сыну, хотя сердцем чувствовала, что его непослушание – не от испорченности, а от неудовлетворённости. Но понять не пыталась – хотелось до конца разобраться в себе самой.

Жизнь в доме деда давалась молодой женщине с трудом. Мальчик с болью видел, как ей тяжело. «Она всё больше хмурилась, смотрела на всех чужими глазами, подолгу молча сидела у окна в сад и как-то выцветала вся. Первые дни по приезде она была ловкая, свежая, а теперь под глазами у неё легли тёмные пятна, она целыми днями ходила непричёсанная, в измятом платье, не застегнув кофту, это её портило и обижало меня: она всегда должна быть красивая, чисто одетая – лучше всех! ...Она умела говорить краткие слова как-то так, точно отталкивала ими людей от себя, отбрасывала их, и они умялись».

Часто Варвара исчезала на много месяцев, и Алёша тосковал, находя утешение только вблизи ласковой уютной бабушки. Потом мать появлялась – красивая, победительная, но скоро тускнела и гасла.

Алеша Пешков с матерью. Кадр из фильма «Детство». 1938 г.

Неудовлетворённость убожеством существования гнало женщину в большой мир, вон из затхлого отцовского дома. В силу происхождения и воспитания она не знала, что делать, чтобы жизнь обрела смысл и значение, не находила, куда приложить свои немалые способности и силы. Её стихийный протест вылился в отстаивание личной свободы. Мальчик не знал, где она, с кем, чем занята, но по разговорам старших понял, что этот путь оказался тупиковым: она была

вынуждена отдать чужим людям рождённого ею ребёнка. Ум Алёши с трудом воспринял это страшное для него известие, но любовь к матери ничто не могло умалить.

Дед пытался провернуть выгодную сделку – повторно выдать дочь замуж за неприятного богатого знакомого: кривого и лысого часовщика. Но Варвара снова пошла против отцовской воли и сумела поставить на своём. В скором времени она сама выбрала нового мужа, но этот брак принёс ей только горе и унижения.

После замужества Варвара стала «жёлтая, беременная, зябко куталась в серую рваную шаль с бахромой. Ненавидела эту шаль, искажавшую большое стройное тело... Мать ходила в растоптанных валенках, кашляла, встряхивала безобразно большой живот, её серо-синие глаза сухо сверкали и часто неподвижно останавливались на голых стенах...».

Стыд за эту сильную красивую женщину, позволившую себе так опуститься, щемящая жалость к ней, жгучая сыновья ревность выливались в дерзость, вызов, непослушание. Попытки «воспитывать» сына ремнём вызывали у него протест: «Живая, трепетная радуга тех чувств, которые именуются любовью, выцветала в душе моей, всё чаще вспыхивали угарные, синие огоньки злости на всё, тлея в сердце чувство тяжкого недовольства, сознание одиночества в этой серой, безжизненной чепухе».

Но увидев, как отчим Евгений Максимов издевается над матерью: отправляясь к любовнице, «чисто одетый, в новом

мундире, бьёт её в грудь длинной своей ногою», — мальчик бросается её защищать с ножом в руке. «Даже сейчас я вижу эту подлую длинную ногу с ярким кантом вдоль штанины, вижу, как она раскачивается в воздухе и бьёт носком в грудь женщины». В это время Варвара уже была тяжело больна чахоткой.

Умерла она 5 августа 1879 года, в воскресенье, около полудня. Её смерть, сделавшая 11-летнего Алёшу круглым сиротой, запечатлелась в его памяти как нечто мрачное и тягостное, но мать он запомнил одетой в чистое сиреневое платье, красиво причёсанную, важную по-прежнему.

С кончиной матери закончилось и детство будущего Буревестника. Начиналась трудовая жизнь «в людях»: дед, чтобы не тратить на содержание внука, отдал его в услужение. Невыносимые условия жизни и грошовая плата приводили к частой смене хозяев. Алёше пришлось поработать мальчиком при магазине, буфетным посудником на пароходе, пекарем, быть «прислугой за всё» в иконописной мастерской.

Первые чувства к тоненькой, хрупкой хромой девочке-соседке Людмиле Чесноковой. Она читает ему бесконечный сентиментальный роман «Камчадалка» модного в то время романиста И. Калашникова, но Алёше тоскливо и скучно; незнакомые слова в непонятных соединениях ничего в его душе не затрагивают. Но им хорошо и спокойно вместе, особенно в ненастные дни, когда льёт дождь и никто не заглянет к детям, не нарушит их хрупкую дружбу.

Конечно, мальчик жил не на облаке. Он постоянно слышал «бесстыдные, злые беседы о тайном», знал, «как говорят о женщинах матросы, солдаты, землекопы, видел, что мужчины всегда хвастаются друг перед другом своей ловкостью в обманах женщин, выносливостью в сношениях с ними; чувствовал, что они относятся к “бабам” враждебно, но почти всегда за рассказами мужчин о своих победах вместе с хвастовством звучало что-то, позволявшее думать, что в этих рассказах хвастовства и выдумки больше, чем правды».

Скоро ему стало скучно с простодушной до примитивности Людмилой, поглощённой чтением дешёвых романов, и дружба увяла. Подросток находит новые предметы восхищения. Сначала это хорошенькая миниатюрная закройщица с дурной репутацией, затем горделивая черноглазая «королева Марго», тоже не образец добродетели. Она не стеснялась переодеваться при мальчике – она «надевала чулки в моём присутствии. Я не был смущён. В её обнаженности было что-то чистое» – и даже принимать при нём своих любовников, но дарила ему внимание и доброту. И общее у обеих женщин, кроме осуждения их образа жизни обывателями, – это любовь к чтению, которую они стремятся передать юному Пешкову. До этого он видел женщин только в тяжёлом, рабском труде, в грязи, в разврате, в нищете или в полумёртвой, самодовольной пошлой сытости. Только «королева Марго» осталась для него единственным прекрасно-недостижимым впечатлением детства.

Встреча с «королевой Марго» дарит Алёше и ещё одно новое ощущение – он, не нашедший в доме деда теплоты родственных чувств, привязывается к пятилетней хорошенькой дочери соседки: часто играет с ней, читает сказки, рассказывает слышанные от бабушки истории.

Но и душевная связь с бабушкой не прервалась. Когда у Алеши выдавались дни, свободные от работы, Акулина Ивановна брала мальчика с собой в лес помогать ей собирать лекарственные травы. Это совместное с бабушкой занятие так пришлось ему по сердцу, он так много узнал о «целебных свойствах зверобоя, буквицы, подорожника», что готов был каждый день проводить в лесу. Так они вместе прожили счастливое «лето до поздней осени, собирая травы, ягоды, грибы и орехи».

Лет в тринадцать он, по его словам, живя в иконописной мастерской среди художников-богомазов, стал ощущать, насколько не хватает ласки, откровенности, тепла, нежной понимающей матери.

Иконописцы не стеснялись подростка. Свои похождения они описывали откровенно. «У них всё было грубо, обнажённо, жизнь бесстыдно-животная». Алёша стал много думать о женщинах. Не грешно, а просто как о явлении жизни. Он верил, что «отношения к женщине не ограничиваются тем актом физического слияния, который я знал в его нищенски грубой, животной простой форме, – этот акт внушал мне почти отвращение...».

Раннее знакомство с тёмными сторонами жизни развило в юном Пешкове некоторую мизантропию; он «чувствовал себя пожилым человеком», решительно не похожим на других.

Юноша любил читать, и хорошие книги формировали его ум и душу. Он чувствовал свою инакость, чуждость окружающей его среде. Даже любимая бабушка была не в состоянии ему помочь и морально поддержать. Однако, когда Алёша решил отправиться в Казань, чтобы поступить в университет, «как будто всякий бедный мальчик может получить бесплатное обучение», прощание с бабушкой Акулиной Ивановной далось ему очень нелегко. Но сознание того, что она есть на свете, согревало душу Алексея. А 16 февраля 1887 года бабушки, светлого «луча света в тёмном царстве», не стало – умерла от антонова огня, отравления спорыньей.

С мечтами о Казанском университете быстро пришлось распрощаться – у мальчика не было документа об окончании начального училища, а имелась только бумага о том, что «курса... по бедности не окончил». Обычая давать беднякам бесплатное образование в России не сложилось, к тому же приходилось заботиться о хлебе насущном.

Надо отдать должное Горькому: в дальнейшем о специальных вещах, которые требовали систематического образования или даже кое-какой научной подготовки, он, зная собственные области уязвимости, рассуждать и не пытался, то есть подходил к своим возможностям в этом отношении довольно критично и здраво.

Пешков поселился в слободе Марусовка и принялся целенаправленно готовиться к экзаменам на сельского учителя. Оказалось, что он слишком молод для этой должности. Пришлось поступить работать садовником и дворником к генеральше Корнэ. Не выдержав её сумасбродного характера, Алексей переселился в ночлежку ротмистра по прозвищу Кувалда, где прожил с июня по октябрь 1885 года. Затем разочарованный в своих надеждах подросток поступил в крендельное заведение Василия Семёнова за 3 целковых в месяц – надо было как-то пережить зиму.

Даже посреди худших неприятностей он всегда с особенной горечью вспоминал про казанскую пекарню; а в одном из своих произведений он ярко описал эти тёмные несчастливые дни.

Пекарь, забавлявшийся с девкой прямо на мешках с мукой, выкидывая тесто из ларя, хвастал, как утешительна, горяча и неутомима его возлюбленная. Сестра хозяина, с круглой, мягкой фигуркой, для которой Алёша кипятил самовары, вызывала чувства сложные, ему было неловко с нею. Она принимала у себя студентов, была не прочь развлечься и с Алексеем, но он избегал её, старался возможно реже видеть. Он пытался представить сестру хозяина у себя на коленях, однако сам пугался своих ощущений, «чувствовал, что такое – страшно».

Одиноким подросток продолжал при каждой возможности буквально пожирать книги и скоро стал настоящим на-

чётчиком. Но чтение не мешало ему жить полной жизнью: пьянствовать с босяками, работать пильщиком леса, выгрузчиком на пристани...

В это время Россия переживала период глубоких преобразований. Крестьянская, Университетская, Судебная и Земская реформы императора Александра II привели в движение русское общество. В результате здание российской государственности было перестроено на новых началах. Самодержавно-монархическое устройство власти, не имевшей органов парламентского типа, позволяющих общественным представителям влиять на содержание законов и принятие важнейших государственных решений, стало казаться многим русским интеллигентам и даже членам правящего сословия не соответствующим новому состоянию русского общества. Западный парламентаризм в это время переживал период расцвета. Исправить ситуацию по западному образцу и подобию предполагалось посредством изменения механизма осуществления верховной государственной власти.

Замысел подобных реформ существовал в высших правительственных кругах Российской империи в 60-х – начале 80-х годов XIX века. Многие факты, документы и воспоминания сановников, которые были посвящены в тайны ближайшего окружения Александра II, свидетельствуют о наличии подобных планов. После убийства императора террористами-народовольцами возникла легенда о том, что буквально накануне покушения он подписал проект конститу-

ции, составленный некой секретной комиссией во главе с М. Т. Лорис-Меликовым.

Вступивший на престол после гибели отца, потрясённый его убийством, новый царь Александр III начал деятельность, отменяющую либеральные реформы предыдущего царствования. Граждане из низших слоёв населения были практически лишены права получить гимназическое и высшее образование и впоследствии занять достойную государственную должность («указ о кухаркиных детях»). Процветал национализм, революционные элементы подверглись репрессиям; была организована секретная полиция, боровшаяся с революционной деятельностью; введена цензура; ограничено университетское самоуправление. Царь отменил некоторые свободы крестьян и урезал самостоятельность городских дум. Он ввел высокий имущественный ценз, тем самым лишив низшие сословия права голоса.

Надо признать, что контрреформы Александра III привели к резкому спаду количества революционных терактов, ужасавших российское общество. Политика царя, направленная на развитие национальной промышленности; финансовые меры, способствующие повышению уровня жизни населения; укрепление армии и флота, в том числе посредством национализации ряда крупных военных предприятий, – всё это привело к тому, что Россия по темпам промышленного роста вышла в число мировых лидеров. Российский флот впервые в истории по своей боевой мощи стал

третьим в мире после Англии и Франции.

Успехи страны способствовали определённому сглаживанию, консервации социальных проблем.

В своих странствиях Алёша встречал разных людей, и его удивляло, что большинству «ничего не надо, никуда всё это: академии, науки, аэропланы, – лишнее! Надобно только угол тихий и – бабу». Для мужицкого сознания «баба – полезный для жизни человек».

Профессиональный вор, бывший студент учительского института, объяснял Алёше свой взгляд на женщин. «Рассказывал о них, вкусно чмокая, с восторгом, с какой-то судорогой в разбитом теле; в этой судороге было что-то болезненное, она возбуждала у меня брезгливое чувство, но речи его я слушал внимательно, чувствуя их красоту. “Баба, баба! – выпевал он, и жёлтая кожа его лица разгоралась румянцем, тёмные глаза сияли восхищением. – Ради бабы я – на всё пойду. Для неё, как для черта, – нет греха! Живи влюблён, лучше этого ничего не придумано!”»

Отличался от этой массы серого равнодушного народа Андрей Степанович Деренков – двадцатисемилетний владелец булочной, народник, принимавший у себя диссидентствующих студентов и просто людей с революционными взглядами. Этот худой улыбчивый человек с жидкой бородкой полагал, что для Пешкова обучиться ремеслу пекаря – единственный выход из безысходности. Пока же он предоставил кров и дом «парню грубоватому, но умному, про-

стому в обхождении и совершенно трезвому: непьющему и некурящему». В воспоминаниях Деренков рассказывает, как по ночам они с Алёшей подолгу говорили о Чернышевском, Добролюбове, Писареве, Шелгунове, о французской революции, о Мюнцере, о Ф. Лассале.

«Народник» Деренков «обладал лучшей в Казани библиотекой запрещённых и редких книг», которой «дорожил более всего на свете». Все вырученные от торговли хлебом деньги он отдавал «на помощь людям, которые верят: “счастье народа прежде всего”»².

В среде студентов-народников эрудированный и «имевший о себе мнение» Алексей не стал равным, а лишь «сыном народа», как они называли его между собой: он был для них как бы экспонатом, наглядным доказательством исповедуемой ими «веры в народ».

Привыкший к надёжному тёплому крылу бабушки, Алёша чувствовал себя одиноким и незащищённым. Весь противостоящий ему мир в его буднично-тяжкой обстановке противоречил его давним ожиданиям. Добрый Деренков не мог заменить ему нежного женского участия и понимания.

Когда он получил известие о смерти бабушки Акулины, «точно ледяным ветром охватило его».

Интереса женщин своего круга он, некрасивый, простой и

² Уже известный писатель А. М. Горький написал письмо Р. И. Эйхе. Он просил его вмешаться в «дело» Деренкова. В письме Горького к Эйхе есть примечательные слова: «Если можно, вознаградите человека за хорошее, что он делал...»

угловатый, не привлекал. Но уже явно ощущал порывы любви, те движения сердца, которые превращают жизнь из скучной прозы в пленительный роман, в поэму, а иногда и трагедию.

Особенно угнетающе на него подействовала неудача в отношениях с сестрой милосердия Марьей Деренковой (возможно, сестрой Андрея Степановича; в публикациях последнего времени её фамилию можно встретить в различных вариантах). А ведь он вовсе не домогался её тела, а искал лишь духовной близости.

Марья была «маленькая, пухлая, голубоглазая – и невиннее птицы зорянки». Она страдала каким-то нервным расстройством и была ранимым беззащитным существом.

Но девушка предпочла Пешкову другого: идейного гуру и «спасителя» Алексея того времени, «железного революционера» Михаила Ромася, и стала его женой. Правда, счастья не получилось, и Марья развелась с ним, проведя оставшиеся годы жизни в глухом башкирском селе Макарове. Она нашла себя, по мере возможностей оказывая медицинскую помощь неграмотным, плохо говорящим по-русски местным жителям.

Позже уже не Пешков, а Горький вспомнил о предмете своего юношеского увлечения и захотел узнать о её судьбе. Оказалось, она умерла в том же Макарове, прожив жизнь как «жителие»³.

³ В январе 1931 года из Сорренто, где тогда проживал Горький, пришло пись-

Неординарный вид Пешкова не столько интриговал, сколько отталкивал представительниц прекрасного пола. Позже, в автобиографическом рассказе он описал, каким был в то время его обычный наряд: «...синие шаровары городского, а вместо рубахи, я носил белую куртку повара; – это очень практичная вещь: она ловко играет роль пиджака и, застёгиваясь на крючки до горла, не требует рубашки. Чужие охотничьи сапоги и широкая шляпа итальянского бандита великолепно завершали мой костюм». Но, как водится, «по одежке встречали», а вызывающая самобытность молодого человека в сочетании со странной одеждой не прибавляла ему в женских глазах привлекательности.

Правда, героиня рассказа – не Марья Деренкова, а другая женщина, речь о которой пойдёт ниже, – но эклектика в одежде была присуща Алёше Пешкову всегда, с ранних лет.

Смерть любимой бабушки и хоть и нелюбимого, но родного деда, общая неуютность жизни и афронт от Марьи привели юношу к решению прекратить тяжёлое бессмысленное существование.

Алексей шёл к своей роковой цели основательно. Приобрёл анатомический атлас, чтобы знать, куда стрелять, пистолет и четыре пули – чтоб наверняка. В записке, не оказавшейся, по счастью, предсмертной, он обвинил Генриха

мо в Стерлитамак. «Если Вы найдёте время сообщить мне о жизни и судьбе Марии Степановны Деренковой, – я буду сердечно благодарен Вам», – просил А. М. Горький врача стерлитамакского горздравотдела М. И. Мишенина. В ответном письме сообщалось, что Мария Степановна умерла в ноябре 1930 года.

Гейне, выдумавшего «зубную боль в сердце», и попросил вскрыть его тело, чтобы «посмотреть, что за чёрт в нём сидит». Но, пытаясь свести счёты с жизнью, в сердце он не попал: пуля разорвала лёгкое и застряла в спине (12 декабря 1887 года). В больнице спустя несколько дней он повторил попытку суицида, и его снова спасли. При тогдашнем развитии медицины травма такого жизненно важного органа, как лёгкие, не прошла бесследно и вкупе с интенсивным курением впоследствии привела к развитию туберкулеза.

Горький опишет эту историю в рассказе «Случай из жизни Макара» (1912), а в повести «Мои университеты» (1923) назовёт самым страшным эпизодом своего прошлого.

За попытку самоубийства юноша был отлучен от церкви. В Уголовном уложении Российской империи отсутствовала статья, посвящённая самоубийцам; их судил церковный суд. «В следующий раз на монастырских воротах повешусь», — отреагировал Алексей, но, согласно решению суда, должен был пройти обследование у психиатра.

Узнав, что сильный, довольно чувственный молодой человек, обладавший легковозбудимым воображением, принципиально отказывался от плотской любви, не подкреплённой духовной близостью, врач настоятельно рекомендовал ему для телесного и душевного здоровья «завести бабёнку погорячее». Тогда, возможно, он сможет изжить свою психическую неуравновешенность, манию бродяжничества, склонность к садизму и к самоубийству как к средству решения

проблем.

С разбитым сердцем и ущемлённым самолюбием Алексей ушёл куда глаза глядят – бродяжничать. Он был зол на жизнь – она своими мерзостями внушила ему унижительную глупость попытки самоубийства. И всё это время он только вожделел высокого чувства к женщине, принципиально отказываясь от «низкой», земной любви.

Не исключено, что много читавший юноша находился под влиянием весьма популярной книги Михаила Осиповича Меньшикова «О любви» (СПб., 1899), который противопоставлял «греховной», телесной любви любовь «духовную» и утверждал, что «плотские потребности суть следствия нашего коренного несовершенства».

Кажется, Леонардо да Винчи сказал, что человечество вымерло бы, если бы люди могли видеть себя во время любовного акта. Любовники, предающиеся плотским утехам, – зрелище неаппетитное. Нет ничего красивого в потных искаженных лицах, подпрыгивающих ягодицах и распяленных ляжках. Великий итальянец остался последовательным в своих взглядах; великий русский писатель сумел в соитии с женщиной обрести свой мгновенный мир, свою недолгую нирвану, свой последний закат.

По мнению некоторых исследователей, последующая гиперсексуальность писателя связана с историей потери невинности Пешковым, описанной в автобиографическом, как утверждал сам Горький, рассказе «Однажды осенью» (1895),

где семнадцатилетний герой произведения проводит ночь с проституткой под опрокинутой лодкой, скрываясь от дождя. «Это были первые женские поцелуи, преподнесённые мне жизнью, и это были лучшие поцелуи, ибо все последующие страшно дорого стоили и почти ничего не давали мне».

Позже, в рассказе «О первой любви» (1922), он описал свои взгляды на любовные отношения. «Не понимаю, как могла сложиться и жить во мне эта романтическая мечта, но я был непоколебимо уверен, что за тем, что известно мне, есть нечто неведомое, и в нём скрыт высокий, тайный смысл общения с женщиной, что-то великое, радостное и даже страшное таится за первым объятием, – испытав эту радость, человек совершенно перерождается. Мне кажется, – я вынес эти фантазии не из романов, прочитанных мною, но воспитал и развил их из чувства противоречия действительности». И ещё: «Есть такой час общения с женщиной, когда становишься чужим самому себе и открываешь себя перед нею, как верующий пред Богом своим».

Пешков работал сторожем, потом уличным торговцем квасом, не считая разнообразных подработок ради пропитания. Неуспокоенность, неудовлетворённость, какая-то тоска гнали его к новым местам, людям, занятиям.

Тоска – не всегда результат утончённого воспитания и утомления роскошью; она свойственна всем человеческим существам. Раскинувшийся у него перед глазами пейзаж ничем не радовал: огромные пустые равнины, длинные, беско-

нечные, с неясным горизонтом, такие же монотонные под летней зеленью, как и под снегом, несколько пробуждающиеся только короткой весной, приводили в отчаяние своим однообразием. Пока он знал от этого единственное лекарство – перемену мест.

Сменив несколько простых занятий, в октябре 1888 года 20-летний Алексей Пешков устроился сторожем на станцию Добринка Грязе-Царицынской железной дороги. Житейские впечатления в Добринке стали сюжетной основой для автобиографических рассказов «Сторож» и «Скуки ради». Спустя три месяца, в январе 1889 года, Пешкова перевели на станцию Борисоглебск. Но охота к перемене мест звала его на юг, к Каспию. Неравенство и несовершенство людей, общая неудовлетворённость вызывала мысли о социальных недугах общества.

Но жить на что-то было надо здесь и сейчас. Будущий писатель задержался на большой сортировочной железнодорожной станции Крутая на Волге, ныне – имени Максима Горького в Волгограде.

Здесь к нему пришло глубокое и сильное чувство.

Начальником станции, куда Пешков устроился весовщиком, был тогда Захар Ефимович Басаргин – отец одиннадцати детей, мастер на все руки, мебельщик, столяр и гончар. Он по собственной технологии варил нефть с графитом, чтобы получить мазь, предохраняющую деревянные шпалы от гниения. Старшая дочь Захара Ефимовича – красивая светло-

волосая Мария Басаргина – пристрастилась вместе с Алексеем читать Пушкина, Тургенева, восхищалась первыми литературными опытами своего приятеля. Чтение друг другу вслух – действо почти интимное.

Вот оно, духовное единение! «Между мной и старшей дочерью Басаргина возникла взаимная симпатия», – писал много лет спустя уже маститый писатель Горький.

Более того, вместе с двумя местными телеграфистами Алексей и Мария задумали стать толстовцами – в то время это было общим поветрием – и организовать «земледельческую колонию». Молодые люди, одержимые жаждой деятельности, решили обратиться к графу Льву Толстому с просьбой выделить им для этого участок земли из его владений и денег на первое обустройство.

Делегатом к графу отправился Алексей. Не останавливаясь подробно на его злоключениях, скажем, что план молодых мечтателей полностью провалился, со Львом Николаевичем Пешков не встретился. Более того, исхитрился произвести неприятное впечатление на Софью Андреевну Толстую.

Тем временем отец семейства Басаргин узнал о намерении молодых людей организовать коммуну. Неудивительно, что намерение дочери, мягко говоря, не встретило его понимания.

Влюблённость включает в себе действительное очарование, и даже большее, чем удовлетворение всякой другой по-

требности. Смутно осознавая любовь как великую и сладостную тайну, Пешков так стремился постичь её, что забыл о море. Он просил у старого железнодорожника, с которым сложились дружеские отношения, руки его дочери. Кажется, с девушкой было всё обговорено. Но заботливому отцу семейства не верилось в надёжные жизненные перспективы весовщика, не имевшего ни образования, ни кола ни двора, постоянно меняющего одно рабочее место на другое. Критические высказывания Алексея в адрес действующей власти тоже не прибавляли веры в его светлое будущее.

Лев Толстой с женой

А теперь ещё и бредовые идеи о коммуне!

Молодой человек получил отказ. Вероятно, это был неожиданный и очень жестокий удар для влюблённых. Стало очевидным, что им не быть вместе.

С разбитым сердцем Пешков снова отправился в странствия по просторам России в поисках своего «внутреннего пути». «Ходить по земле в разные стороны это всего лучше. Идёшь и всё видишь новое... И ни о чём не думается... Дует тебе ветерок навстречу и выгоняет из души разную пыль. Легко и свободно...» – говорил он устами своего героя Коновалова.

В 1890 году Горький пешком обошёл весь юг России, побывал на Кавказе и в Крыму. Там он занимался традиционными для этих мест промыслами: ловил рыбу, добывал соль. О своих впечатлениях он писал заметки, рассказы и стихи.

Описание одной из его встреч впоследствии приводилось М. С. Сухотиным⁴ в его известном «Дневнике»: «Горький, между прочим, рассказывал, как лет восемь тому назад (“когда я ещё бродяжничал”) он под Харьковом узнал, что в мо-

⁴ М. С. Сухотин – зять Л. Н. Толстого, муж его дочери Татьяны. Потомственный дворянин Тульской губернии, уездный предводитель дворянства. Действительный статский советник, камер-юнкер. Окончил историко-филологический факультет Московского университета, затем слушал лекции в Гейдельбергском университете. В 1906 году был избран в I Государственную думу от Тульской губернии. Входил во фракцию «Союза 17 октября». Известен своим «Дневником», в котором наряду с воспоминаниями о Л. Н. Толстом и его семействе приводятся интересные характеристики известных современников и событий.

настыре Рыжовском находится о. Иван (Иоанн Кронштадтский), и так ему захотелось с ним побеседовать, что он перелез чрез ограду в сад, где гулял “Иван”. И когда Иван увидел перед собой Горького, то сначала испугался, но потом оправился и вступил с ним в беседу. Длилась эта беседа часа полтора, и в результате Горький пришёл только к одному выводу, а именно: что этот “поп Иван большой дурак”».

На морском берегу, на бескрайних просторах душа Алексея распахнулась и жадно вдохнула вольный воздух. «Его кипучая нервная натура, жадная на впечатления, никогда не пресыщалась созерцанием этой тёмной широты, бескрайней, свободной и мощной». Море вызывало «широкое, тёплое чувство», очищая душу «от житейской скверны», он видел себя «лучшим тут, среди воды и воздуха, где думы о жизни и сама жизнь всегда теряют – первые – остроту, вторая – цену» («Челкаш»).

Шумная кипучая жизнь портовых городов, волны и ветер как символы свободы родственны мятежному духу своеобразных местных босяков. Излюбленный романтиками образ моря обрамляет многие романтические рассказы Горького: «Песня о Соколе», «Песня о Буревестнике», «Макар Чудра», «Старуха Изергиль», «Мальва» и др.

Но и море, и странствия не «выгнали из души» память о несбывшемся счастье. «Несбывшееся» всегда привлекательнее случившегося: оно не омрачено разочарованиями, пресыщением, прозой жизни. Это не избыток прошлого, а дви-

гатель будущего. Не бесследно ушедшее, не втягивающая в тоску и не дающая творить меланхолия, а нечто такое, чего необходимо достичь. «Несбывшееся» – повелительная сила, заставляющая пересмотреть жизнь, для того чтобы двигаться вперёд...

Спустя десять лет Максим Горький, уже известный в России писатель, адресовал замужней Басаргиной трогательные строки: «Я всё помню, Мария Захаровна. Хорошее не забывается, не так уж много его в жизни, чтобы можно было забывать... Да и прошло с той поры, как мы виделись, всего лишь десять лет. И хоть за это время я прожил тридцать, – Вас помню всё-таки. И очень ярко».

Анна, младшая сестра Марии, рассказывала, что Горький до конца своей жизни материально помогал всей семье Басаргиных.

Наверно, некоторые черты собственной внешности писатель подарил герою рассказа «Мальва» босяку Сергею: «высокий, жилистый, бронзовый человек в густой шапке расчёпанных огненно-рыжих волос. Кумачная рубаха без пояса была разорвана на спине у него почти до ворота. На лице, густо усеянном веснушками, дерзко блестели большие голубые глаза, нос, широкий и вздёрнутый кверху, придавал всей фигуре вид бесшабашно-нахальный». Чуть позже Иван Бунин описывал нового знакомого так: «...высокий и несколько сутулый, рыжий парень с зеленоватыми, быстрыми и уклончивыми глазками, с утиным носом в веснушках, с широки-

ми ноздрями и жёлтыми усиками, которые он, покашливая, всё поглаживает большими пальцами: немножко поплюет на них и погладит».

Душевная неуспокоенность, сердечные порывы в незнанные, запредельные дали, духовная жажда, стремление к чему-то необыкновенному не давали Пешкову осесть на одном месте. Беспокойный характер снова толкнул Алексея в странствия; на дорогах огромной страны «стали приходить в порядок и... чувства, до того пребывавшие в полной неразберихе».

Он исходил всю Россию во всех направлениях, испробовал все занятия, включая отныне и дело литератора. Оно и пришлось ему больше всех по душе.

Пробы и ошибки

Писательская слава пришла к Пешкову рано. Начало его литературной деятельности относится к сентябрю 1892 года, когда ему было 24 года. К этому времени он свёл знакомство и дружбу с революционером Александром Калюжным. Восхищённый своеобразным талантом молодого человека, тот отнёс его рассказ «Макар Чудра» в редакцию тифлисской газеты «Кавказ».

Произведение опубликовали под псевдонимом «Максим Горький». По словам Калюжного, начинающий писатель объяснил это так: «Не писать же мне в литературе – Пешков». Видимо, Алексей уже давно обдумал детали своего вхождения в литературный мир; псевдоним не был экспромтом, напротив, тщательно подготовленный, он оказался исключительно удачным.

Сюжет рассказа отчасти напоминал известные вымыслы, характерные для романтиков.

Действие происходит в цыганском таборе. Описание личностей, манеры разговоров, действия цыган и постоянно демонстрируемая ими гордость иногда кажутся деланными. Очевидно, молодой автор стремился сделать свой рассказ «литературнее» и драматично описал историю сильной и довольно витиеватой любви. В этом рассказе несколько условным цыганам автор придал черты, заимствованные им у

бродяг, которых видел в действительности: независимость, страсть к свободной жизни, опьяняющая любовь к музыке и природе.

Рассказ привлёк внимание читающей публики. Исключительная манера письма автора была совершенно нова. Новыми были и герои.

Нельзя сказать, что признание было всеобщим. Многие считали рассказ законченным образцом талантливой, но насквозь фальшивой работы. Фальшь видели в чрезмерности, которую автор, по-видимому, считал за меру, в кричащей яркости, напоминающей лубок. Междометия вроде «Эге!», «Ого!», «Хе!», «эх», «э-э-э» должны были, по-видимому, придавать речи героев характер дикий и народный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.